

"Пусть чуждый дым у дивной двери тает..."

Еженедельный театральный журнал Худсектора Одесского губполитпросвета "Театр" почему-то не вошел в перечень подобных изданий в справочниках и энциклопедиях.

Он действительно выходил недолго, с конца марта до начала мая 1922 года. Затем был преобразован в журнал "Зритель", который просуществовал менее полугода (с июня по октябрь). Лишь в конце года Губполитпросвет создал редакционную коллегию журнала "Силуэты", уже стабильно выходившего несколько лет (1922-1925).

Такое упорство в создании театральной периодики объяснялось, конечно, политикой партии, провозгласившей: "Театр, ты мне нужен!". Уже были "орабочены университеты", пролетарская мысль пришла в школу, клубы... В области же театра наметилось отставание, "плуг социалистической революции никак не мог в корне вытравить старую, буржуазную, разлагающую культуру", — театр оказался наиболее консервативным и неподатливым. А.В. Луначарский, приехавший в Одессу в 1920 г., назвал одесскую театральную ситуацию "ярмаркой развлечений". Губполитпросвет взял инициативу в свои руки и провозгласил: "Ни пяди своей позиции на фронте культуры!".

Журнал создавался в сложное время, среди лишений, неопределенности, страхов. Позади холодная зима. Нередко случались голодные обмороки среди актеров, продуктовые подношения и дрова считались лучшими подарками для бенефициантов.

Разговор о самокупаемости театров на страницах журнала казался наивным (впрочем, эта тема перетекала так же безнадежно и в наше нестабильное время).

Рассказывая в свое время на страницах альманаха о журналах "Зритель" и "Силуэты", мы отмечали, что с ними сотрудничало множество талантливых людей. Журнал "Театр" также этим отличался. Первый его номер открывался стихотворением Осипа Мандельштама "Дом актера", где поэт достаточно пафосно пытался убедить: "Плывите же вместе к грядущим зорям, актер и рабочий...". В другом номере находим стихи Эдуарда Багрицкого "Театр", вполне отвечающие определению Юрия Олеши — "поэт жизнерадостности большевизма".

Как всегда, интересно читать статьи профессора Бориса Варнеке, возглавлявшего кафедру классической филологии в Новороссийском университете и в то же время серьезно занимавшегося историей театра. Любопытен очерк об актере Н. Милославском Александра де-Рибаса. Известный литературовед Михаил Алексеев напечатал в "Театре" познавательную статью "Ширяевская театральная библиотека". Речь идет о коллекции пьес XVIII-XIX вв., приобретенной Одесской публичной библиотекой в 1891 году и находящейся по сей день в фондах музея книги теперь уже Национальной научной библиотеки им. М. Горького.

ТЕАТР

ДОМ АКТЕРА

Здесь, на твердой площадке Яхт-Клуба,
Где высокая мачта и спасательный круг,
У южного моря, под небом юга,
Деревянный, тахучий строится сруб.
Это игра воздвигла стены—
Разве, работать, не значит играть?
По свежим доскам широкой сцены,
Какая радость впервые ступить.
Актер—корабельщик на палубе мира,
И дом актера—на волнах..
Никогда, никогда не боялась лира
Тяжелого молота в братских руках.
Кто сказал „Художник“—сказал
„Работник“,
Во истину правда у нас одна.
Единым духом жив и плотник
И поэт, вкусивший светоч вина.
А вам спасибо, и дни и ночи
Мы строили вместе, наш дом готов.
Под маской суровости скрывает
рабочий
Высокую нежность грядущих веков.
Веселые стружки пахнут морем,
Корабль оснащен, в добрый путь,
Плывите же вместе к грядущим зорям
Актер и рабочий—вам нельзя
отдохнуть.
О. Мандельштам.

И. В. ПРИБИК

К 35 лет. дир. деятельности.

Цена 30.000 руб.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ТЕАТР

== ОРГАН ==

Художественного Сектора Одесского Губполитпросвета.

Выходит еженедельно по вторникам.

Редакция и контора: ул. К. Маркса (б. Екатерин.), д. № 12, комн. 18.

Прием по делам редакции от 12 до 1^{1/2} ч. и от 3 до 4 ч. дня по офиц. врем. ежедневно.

№ 2

4 Апреля 1922 г.

№ 2

ПЛАТОН ЦЕСЕВИЧ

(Шарж).

ЛМ
К приезду его в Одессу.

Среди этих пьес – первые издания классических произведений, рукописные экземпляры, инсценировки и пьесы ныне забытых авторов. Это – бесценный материал для театроведов и историков литературы. Возможно, у современных исследователей возникнет интерес к этой уникальной коллекции, и призыв автора статьи внимательно изучить ее найдет отклик спустя многие десятилетия?..

Журнал "Театр" пытался рассмотреть текущие проблемы театра в условиях нэпа. Постоянно анализировался репертуар оперного театра, пристальное внимание уделялось работе театра-лаборатории "Массодрам", организованного в 1921 году, но, увы, не смогшего стать ведущим драматическим театром Одессы.

Неистребимы были театры миниатюр, столь любимые зрителями. Среди них выделялся "Крот" ("Конгрегация рыцарей острого театра"), располагавшийся в подвале на углу Екатерининской и Троицкой. Писали, что "от шаблонного театра миниатюр он отличался литературностью, стремлением к изяществу и утонченности". Создал его Виктор Типот (этот псевдоним с английского переводился как "заварочный чайник"), молодой человек 29 лет, окончивший физико-математический факультет университета. Украшение театра – Вера Инбер и Рина Зеленая, отличавшиеся "чувством юмора и чувством ритма". Там же выступал в музыкальных спектаклях талантливый 12-летний мальчик Додик Ойстрах. "Крот" неизменно получал доброжелательные оценки, но, к сожалению, вскоре почти вся эта компания перебралась в Москву и стала работать в кабаре "Нерыдай".

И еще об одном материале хочется упомянуть. Это воспоминания Владимира Нарбута о Владе Дорошевиче "Король в тени". Горькие заметки были напечатаны вскоре после ухода из жизни "короля фельетона". Встреча их состоялась в Севастополе, когда в жизни Дорошевича "пролегла роковая, непреодолимая грань". Одесса же помнила блестящего журналиста и лектора, принявшего в 1893 году приглашение поработать в "Одесском листке", крупнейшем издании на Юге России. Столичная "звезда" получила возможность писать о чем угодно. Нужно сказать, Дорошевича любили и побаивались, ибо одесскому мещанству немало доставалось едких характеристик в его знаменитых фельетонах. Трудно было смириться с печальным концом столь блестящего человека...

Четыре тоненькие тетради журнала "Театр", напечатанные на плохонькой желтой бумаге, несут нам из далеких 20-х годов прошлого столетия много интересной информации, заставляющей думать о преемственности, судьбах таланта во все времена, вечных проблемах творческой жизни.

Татьяна ЩУРОВА

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ

Н.К. Милославский

В этот вечер он играл Иоанна Грозного. В своей роскошно обставленной уборной, в Русском театре, он сидел согбенный в креслах перед большим золоченым зеркалом, одетый в золотую парчу, отороченную мехом, с шапкой Мономаха на голове и ожидал своего выхода.

Чувствовалось, что в великом артисте происходит процесс перевоплощения, что в эту минуту он уже не Милославский, а грозный московский царь. И было жутко смотреть на него. Густо наклеенные над его глазами седые брови сдвигались, как две тучи. Старческий беззубый рот скривился в злобную улыбку. Он вдруг стал что-то шамкать про себя, и неизвестно было, напоминает ли это он свою роль, или он взаправду переживает мысли и чувства страшного полубезумного владыки.

Но вот на сцене раздался звонок перед поднятием занавеса, и помощник режиссера торопливо вбежал в уборную, чтобы предупредить Милославского о его выходе.

Бедный помощник режиссера! Не успел он сказать свое обычное: "Николай Карлович, ваш выход!" — как Милославский, гневно поднявшись во весь свой высокий рост и схватив остроконечную железную палку, приготовленную для его

сцены с послами, вонзил ее в пол уборной у самых ног режиссера.

— Какой я Николай Карлович? Я царь Иоанн Васильевич!

И тотчас же, вновь по-старчески сторбившись, с трясущейся головой он вышел на сцену.

Все за кулисами привыкли к частым вспышкам и разным причудам артиста; но на этот раз все были так ошеломлены, что долго не могли опомниться.

Помощника режиссера пришлось приводить в чувство холодной водою.

Александр де-Рибас.

ШИРЯЕВСКАЯ ТЕАТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

В 1891 году Одесская публичная библиотека приобрела у известного в Одессе любителя театра Д.В. Ширяева его библиотеку; эта богатейшая коллекция пьес, шедших на одесской сцене с конца XVIII века (до 3-х тысяч названий) составляет теперь специальный "Театральный отдел Одесской публичной библиотеки".

Ширяевская библиотека является одним из лучших провинциальных театральных собраний: в ней собрано почти все существенное для истории русского репертуара. Наряду с первыми изданиями "Ябеды" Капниста и комических опер Крылова, трагедий Озерова и Княжнина, переплетенных в сафьян и темную кожу, здесь можно встретить хороший подбор русских водевилей 30-х годов в обычных московских изданиях, в оттисках из "Репертуара и пантеона" 40-х годов и старых петербургских журналов, и в более редких изданиях, с иллюминированными портретами Сосницкого, Дюра и Асенковой. Пляда русских водевилей представлена достаточно полно: в библиотеке найдутся все лучшие произведения Каратыгина, Федорова, Григорьева, Ленского и Кони. Наряду с полным собранием драматических переделок кн. Шаховского здесь можно встретить и первое издание гоголевского "Ревизора", и рукописную копию "Горе от ума", здесь, наконец, найдется и все наиболее известное из русского драматического репертуара 50-70-х годов, от ценных текстов Островского, драм Аверкиева и Чаева — до забытых оперетт с ког-

да-то злободневными куплетами. Д.В. Ширяев, собирая свою библиотеку, по-видимому, стремился лишь к полноте подбора, не задаваясь специальными целями библиографа и библиофила.

Отсюда, вероятно, и все случайное и малоценное в его собрании: внимательный глаз собирателя не пропускал ничего, попадавшего ему под руку; вот почему редчайший экземпляр "Ябеды" Капниста может совсем спокойно стоять рядом с дешевой пьеской провинциального драматурга. Но жалко все-таки, что Ширяевская библиотека так мало привлекала к себе внимания театралов и ученых специалистов. По экземплярам Ширяевской коллекции можно было бы написать не одну любопытную страницу из истории русского театра и русской литературы. Среди пьес 40-70-х годов есть много рукописей; все они, вероятно, вышли из театральной среды, на что указывают режиссерские поправки, заметки на них. Несколько переплетенных рукописных тетрадок на бумаге с водяными знаками 50-60-х годов хранят отметки: "Из библиотеки суфлера В.Ф. Семенова. Кременчуг". Попадаются любопытные списки актеров провинциальных трупп, история которых еще так мало разработана. Некоторые из этих рукописей, вероятно, уникамы.

Несколько лет назад В.В. Данилов в специальном филологическом журнале написал большую статью о драматических переделках гоголевских повестей:

материалом послужило ему именно ширяевское собрание. Известны также попытки П.Н. Столпянского сгруппировать подобный материал и для Пушкина. Столпянский назвал до 30 драматических переделок пушкинских повестей, поэм и даже мифических произведений, но он не исчерпал всего материала; в ширяевском собрании мне попались не отпечатанные им рукописные переделки "Евгения Онегина" 40-х годов, "Арапа Петра Великого" и "Метели". Проф. Бобров в свое время собирал сведения о драматургии Бахтурина, любопытной и своеобразной фигуре которого он посвятил небольшой этюд. Бахтурин был поэтом и драматургом. О нем вспоминал Пушкин в письме к Нащокину. Горький пьяница и бесшабашный гуляка — Бахтурин был знаменит в петербургских трактирах. Он был другом Вадима Пассека и шафером на свадьбе у Огарева. Он был мастер составлять эффектные афиши и писать драмы бенефисов. Об этом Бахтурине Глинка рассказывал, что план оперы "Руслан и Людмила" был набросан им под пьяную в четверть часа, и что опера написана именно по этому бахтуринскому плану. Изучая драматическую деятельность Бахтурина, Бобров сообщил лишь заглавия его восьми драм: "его драмы, за исключением одной, не были напечатаны, — пишет Бобров, — и вряд ли сохранились". Но все драмы Бахтурина попались мне в Ширяевской библиотеке в хороших копиях начала 40-х годов; между ними оказались и когда-то знаменитые драматические переделки романов Марлинского,

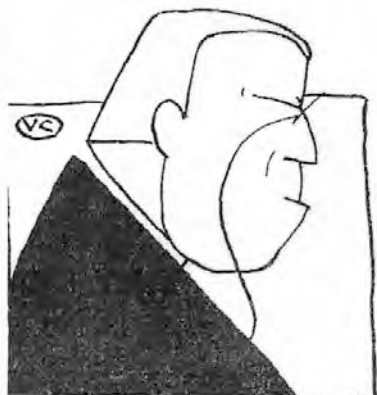
которым несколько сезонов подряд рукоплескали в Александринке.

Ширяевская библиотека может пригодиться для историка литературы; работающий над текстами драматических произведений Тургенева найдет здесь интересную рукописную копию "Нахлебника" и с любопытством остановится на таких произведениях, как "Накануне", по сюжету Тургенева (1876), "Разговор на большой дороге" — сцена Тургенева (1851), и "Безденежье", сцены Ив. Тургенева (рукопись 1860 г.). В запутанном вопросе о тексте "Назара Стодоли" Т. Шевченко исследователь может встретить поддержку в рукописной копии этой пьесы 1876 года. С большим интересом можно также прочитать рукопись 1848 года: "Сверчок домашнего очага" (содержание повести Диккенса); замысел драматизировать поэтический рассказ Диккенса гораздо старше прославленной попытки студии моск. художественного театра! В скромном отделе провинциального книгохранилища найдется много любопытного и для историка русского театра, и для историка русской литературы; но отчего бы сюда не заглянуть и специалисту-театралу? Существует особое библиофильское наслаждение в чтении каталогов и книжных перечней; князь Вяземский сравнивал его с наслаждением, которое он испытывал, читая прейскуранты хороших винных погребов. Когда читаешь каталог Ширяевской театральной библиотеки, с его страниц веет хорошим ароматом давних, полузабытых, подлинных театральных волнений.

М.П. Алексеев.

КОРОЛЬ В ТЕНИ

(Воспоминания о В.М. Дорошевиче)

Влас Дорошевич. Шарж В. Каррика

Бухты, спокойные и домашние, — может быть, потому, что горла их слишком узки, на выщербленных берегах уютятся белые домики, а вода густая и зеленоватая, как олеонафт; кривые, взбегающие ящерницами в гору и скатывающиеся вдруг к базару, улицы; известковые террасы, пересеченные ступенями и ступеньками, а по бокам в молочном тумане важные лысые горы; сырой, отяжелевший от тумана ветер, лениво перебирающий оборванные провода и глядящий ткнувшееся мордой в выбоину мостовой орудие; шныряют шинели с красными бантами во всю грудь, глазают, торопясь, прохожие, в еще открытых магазинах на Морской и Екатерининской идет скупка и продажа за бесценок, за советские деньги (валюта!) разной завали, уцелевшей от врангелевского погрома, в ревком — суетня, расквартиро-

вываются штабы, и уже появились цветные агитационные плакаты — "царь, поп и кулак".

Изредка треснет выстрел, один-другой, но вообще, если что и может пугать мир уходящего или нарождающегося, безразлично, быта, так это — таинственное, заволоченное пленкой море, где, по слухам, все шатаются и рыщут неприкаянные пираты. Пароход "Дмитрий", притащивший нас из Одессы, посапывает у пристани, а мы размещаемся в лучшей гостинице города.

И тут же, в гостинице, узнаю, что в городе остался Дорошевич: не пожелал уехать.

Это было в Севастополе, в ноябре 1920 года, на четвертый или пятый день по уходе из него белых.

Моросила небесная пакость, курилась вечерняя мгла, когда мы, я и поэт Шенгели, постучались у двери квартиры Дорошевича. Высунулась женская голова, осветила свечой и, узнав Шенгели, ласково закивала: "Влас Михайлович вас ждет. И давно". Большая темная комната глотает нас, и вскоре из бокового входа шаркающей медвежьей поступью, покачиваясь, выбирается высокий и сутулый грузный старик с обрюзгшим вялым лицом в плотных складках, с медленным взглядом, с некой окоченелостью в движениях.

— Здравствуйте, Георгий Аркадьевич, — здоровается, гудя торжественным баском, Дорошевич с Шенгели — затем деревянно протягивает руку мне и совсем неожиданно,

старчески покашливая, неуклюже, как мешок, опускается в кресло. Тягостное молчание, нарушаемое лишь дряблым и тоже старческим (так пожевывал, очевидно, Плюшкин) пожевыванием да шепотком в соседней комнате.

Я беру "интервью". Задаю вопросы — их ворох: как относится В. М. к Врангелю, к советской власти, как он смотрит на нынешнее внутреннее и международное положение России, каково, по его мнению, будущее ее, — касаюсь местной, крымской журналистики, желаний самого В. М. Но уже предупрежденный Шенгели вынужден наталкивать, наводить Дорошевича на ответы. Да и ответы-то: что бы я ни сказал, подтверждение или отрицание (смотря по моему тону) получал только конец моей фразы, — кратко, по-детски, несложно. "Как вы, В. М., полагаете: действительно ли советская власть является властью трудящихся?" — "Я полагаю, советская власть является властью трудящихся", — как глухое эхо, утвердительно отвечает Дорошевич. И видно было, что в кресле покоит свои телеса человек, у которого страшная болезнь (*lues*), как моль, расплыла и выскребла здоровое мышление, пересыпала трухой случайно уцелевшие мозговые нервы. Так же случайно, второпях пробежал по одной из этих ниточек солнечный луч: Дорошевич нескладно и наивно поведал, как кто-то из ворвавшихся в Севастополь партизан заглянул и в его квартиру, привязался к В. М. с требованием выдать будто бы имеющийся у Дорошевича наган и исчез, удовольствовавшись скромной премией в виде золотых часов. В.М. Дорошевич на минуту засиял, заулыбался

Влас Дорошевич. Шарж Н. Ремизова

и ничуть не обиженный, не шокированный, добавил: "А матросы — мои защитники: они уже никого не пускают ко мне". Это была правда: матросы, заняв квартиру напротив, установили добровольную охрану писателя от всяких посягательств со стороны. И вторично запрыгал в глазах В. М. тот же лучик: речь зашла о Петербурге, о жене В. М., о Горьком. Дорошевич забеспокоился: как, что, — там, на севере? Высказал даже желание: возможно, вот только потеплеет, — обязательно перебраться в Петербург. Но едва беседа сползла на политические рельсы, — снова сонная животная жвачка, снова урчащее старческое покашливание. А из соседней комнаты, хромая, вынырнула родственница В. М., пожилая женщина с ясными глазами, и за ней — всегдашний спутник фельетониста, экономка, — та самая, что впустила нас. Принесли чай, и Влас Михайлович окончательно погрузился в "растительный процесс". Женщины дипломатически намекнули нам, что уже не рано, и присовокупили, что живется Дорошевичу плохо, очень плохо, дороговизна растет и проч. Я обещал

похлопотать в ревкоме (дня через два ревком прислал Дорошевичу костюм, обувь, продукты), пожал деревянную ладонь В. М. и — подумал: "Ему уже ни физически, ни душевно не встать. Кончено. Он — только макенек". Правда, несколько дней спустя Дорошевич зачислился сотрудником Крым-Роста, дал даже, — кажется, не свой, — несуразный фельетон, но все это было тяжелым самоиздательским процессом той же тупой жвачки.

Встречался с В.М. Дорошевичем я трижды: в Москве, Петербурге и здесь, в Севастополе. Но по-настоящему было два Дорошевича: один — сверкающий афоризмами и парадоксами, король фельетона, министр от публицистики, исколесивший на автомобиле Европу, Америку и Азию, избороздивший все океаны и моря, король и министр, пред которым распахивались двери недо-

ступных буржуазных кабинетов, человек, который не знал пределов исполнения своих писательских стремлений и чаяний, ибо вместо пера у него было жало; и — другой: одряхлевший, как старый мир, бытобичевателем и в то же время невольным апологетом которого он был, гальванизированный труп, угорь в высыхающем бассейне. И когда я прочитал о том, что Дорошевич — "сменовеховец", что он якобы собирается редактировать неинтеллигентский журнал "Новая Россия", я до боли четко ощутил в себе холодок естественной смерти В. М., плоть которого уже превратилась в протоплазму для размножения клеточек тления. Я вспомнил знаменитое "при особом мнении" Дорошевича и — понял, что именно тогда пролегла в его жизни роковая непреодолимая грань.

Владимир Нарбут.

Малый театр „КОМЕДИЯ“ Ланжероновская, 24.
ЕЖЕДНЕВНО СПЕКТАКЛИ.
СО ВТОРНИКА МАЛЕНЬКАЯ ШОКОЛАДНИЦА
 Ком. в 3 д. Поль Гаво.
 Начало в 7½ ч. по солнцу.
В ВОСКРЕСЕНЬЕ 2 СПЕКТАКЛЯ: нач. в 6½ ч. и 8½ ч. по солнцу.
 Готт и поэт. „Цезарь и Клеопатра“ Б. Шоу. „Мистер Джон Ту“
А Н О Н С: Вечер одноактных пьес С. Грея.

2-й Малый театр
бывш. „КРОТ“
 (Колодезный пер., 9).
 □ □ □

В четверг 6, пятницу 7, субботу 8 и воскрес. 9 апреля
СПЕКТАКЛИ 39 ЦИКЛА. В программе: „Немая жена“
 „Венская жизнь“ „Урок“ „Песенки Кошки Джо“ и др.
АНОНС! С понедельн. 17 по воскрес. 23 апреля ежедневно
 спектакли 40-го (праздничного) цикла и детские
 утренние спектакли — Подробности в афишах.
 Руковод. Виктор Типот. Уполном. театра А. Шинберг.
 Начало в 10 час. по оф. вр.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ПЕСТРЯДЬ

Ф. И. ШАЛЯГИН.

К возвращению его в Россию.

Умер или... спит?

Молодой театр "Массодром" потерял своего молодого режиссера В.В. Броневского.

Не верилось, что болезнь унесла этого пламенного и неутомимого работника сцены.

И вот артистической молодежи, которая пришла вместе с театральными друзьями отдать последний долг почившему почувдилось...

...Не спит ли "живой" покойник...

Действительно, в гробу В.В. Броневский с полуоткрытыми глазами казался спящим.

Сейчас же пригласили врача.

Исследование показало, что "чудо" не свершилось.

Бенефисный паек.

Подарки, преподнесенные маститому дирижеру И. Прибику в день юбилея, вызвали немало разговоров в театральном кругу. Оказывается, среди бенефиций:

Кожа на подошву,

20 пудов дров,

1/2 пуда муки,

5 ф. сала,

5 ф. сахару,

Торт.

По нашему времени этот бенефисный паек представляет большую ценность и пришесться как нельзя кстати юбиляру.

Антракты.

Как развлечь публику в антрактах?

На этот вопрос пока постарался ответить Н.И. Соболев-Самарин.

В театре порхают в голубеньких шляпках и в таких же лентах на руках женщины билетерши.

Новое время смело традиционных мужчин-капельдинеров.

Но этого мало.

Еще играет оркестр.

Вот тут-то не все благополучно.

Руководитель его, очевидно, не уяснил себе, что ему следовало бы исполнять.

**Государственная
Консерватория
Крестьянский Дворец
(Греческая, 48)**

В воскресенье 9 апреля 1922 г.

СОСТОИТСЯ КОНЦЕРТ.

устройства силами студентов Госконсерватории

НАЧАЛО в 8 1/2 ч. по офф. врем.

Оказывается, и театр, и оркестр сами по себе.

Если учесть, что оркестр есть только добавление, а не целое, то станет ясной необходимость выдержать музыку соответственно художественному тону спектакля.

Этого-то и нет.

На сцене пьеса Достоевского, а в антрактах исполняют бравурные, а порой даже бульварные вальсы.

Это следует устранить художественным руководителям Гостеатра им. Шевченко.

Л.М. Чацкий.

ТЕАТР	
„САТИРЫ	
— и —	
Музыкальн. Комедии“	
(б. Северный)	
Среда 5, Четверг 6, Пятница 7 апреля Популярная Музыкальная Комедия Лео Фалля в 3 д. РОЗИ СТИШБУЛИ уч. Жданова, Мирваль, Жданов, Рассатов, Шевцов и др. Постановка режис. Венск. Оперет. театра Леопольда Поллера. Дирижер Венского Опер. театра Шольтес.	Уполномоч. Я. Г. Шошников.
В Субботу и Воскресенье ПРЕМЬЕРА ДОЛОЙ САТАНУ муз. сатира в 3 действ.	

ТЕАТР

М. Маф
Э. Багрицкий

Воздвигнут храм на дикой крутизне,
И мраморные широки ступени,
Восстаний грохот, вопли поражений
К нему летят и тают в вышине.

.....

Чудесных тайн свободные жрецы, —
О, лицедеи, ваш глагол суровый
Дворцы ломает и громит оковы,
Как ясный гром летя во все концы.

.....

Средь голода и сумрака — теперь —
Вы ризой ослепительной одеты,
В просторы славы, радости и света
Гостеприимно распахнули дверь!

.....

Да будет так!

Пускай текут года,
Пусть чуждый дым у давней двери тает,
Там солнце нестерпимое сияет
Освобожденного труда.

Э. Багрицкий.

БИБЛИОГРАФИЯ

Вера Инбер. *Брешные слова*. Одесса. 1922.

Кукрыниксы
В. Инбер

В. ИНБЕР

За целый год литературная жизнь Одессы не обогащалась ни одной новой книгой стихов, и только недавно вышла из печати книга стихов Веры Инбер, объединяющая в себе стихи 1917/21 годов. Поэтесса в своих стихах, как и подобает культурному поэту, отдает дань течениям, господствующим в современной "столичной" поэзии. Акмеизм, провозглашенный Гумилевым и Ахматовой, нашел в Инбер верную и способную последовательницу. Вся книга Инбер посвящена исключительно ее личной жизни, субъективизм и только субъективизм главенствует в этой небольшой книге. Какое-то детски-просветленное настроение, какая-то изумительная ясность чувств и образов — вот главное достоинство поэтессы. И поэтому резким и неприятным диссонансом звучат юмористические стихи, помещенные в конце книги. Слишком много в них буржуазно-слащавого и северянински-ресторанного. Но за этим исключением, книга производит безусловно приятное впечатление.

Desi

ЩЕЛЧКИ

(Дружеские посвящения.)

Эд. Багрицкому.

Его "девиз": — крупы и жиру,
И будет жизнь моя легка.
И он за полтора пайка
Продал талантливую лиру.

Калий.